

EVIE DUNMORE

A ROGUE
OF ONE'S
OWN

ЭВИ ДАНМОР

МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
НЕГОДЯЙ

Москва
2022

*Посвящается Брэду и Джуди,
по-настоящему замечательным людям,
которые всегда выявляют во мне
самое лучшее*

Глава 1

Бакингэмшир, лето 1865 года

Юные леди не лежат плашмя на ковре за диваном в библиотеке и не играют сами с собой в шахматы. И не набивают рот леденцами до завтрака. Люси знала это прекрасно. Однако таких тоскливых летних каникул у нее еще не было: Томми явился домой из Итона самодовольным зазнайкой и больше не желал играть с девчонками, недавно появившаяся в семье кузина Сесиль плакала по любому поводу, а Люси в свои неполные тринадцать лет находила себя слишком молодой, чтобы умереть от скуки, как подобает приличной девушке. Хотя ее мама, вероятно, сочла бы такую смерть достаточно благородной. Впрочем, для графини Уиклифф почти все было бы предпочтительнее мальчишеских проделок дочери.

В библиотеке царил благоговейная тишина, а ноздри Люси щекотало от запаха кожи и пыли. Лучи утреннего солнца пролились на шахматную доску, и белая королева вспыхнула, подобно маяку. Королева находилась в опасности — коварный конь заманил ее в ловушку, и перед Ее Величеством теперь стоял выбор: либо пожертвовать собой ради короля, либо позволить ему пасть. Люси занесла кисть руки над блестящей короной из слоновой кости, не решаясь сделать ход.

Из холла донеслось эхо торопливых шагов.

Похоже на острые мамин каблук. Но ведь мама обычно не бежит...

Дверь распахнулась.

— Как ты мог? Как ты мог?

Люси замерла. Мамин голос дрожал от негодования.

Дверь снова захлопнулась, причем с такой силой, что дрогнули стены.

— Прямо перед всеми, на балу...

— Ну и что? Тебя это так разозлило?

Люси ощутила пустоту в животе. Отец говорил тоном надменным и язвительным.

— Все знают. Одна я лежу дома больная и ни о чем не подозреваю!

— Боже правый! Это выше моего понимания — почему жена Рочестера называет себя твоей подружкой? Кормит тебя сплетнями, а ты и распяляешься. Зря я вчера не отослал ее обратно; лишь такая сумасбродка могла заявиться в гости незваной.

— Она останется! — выкрикнула мама. — Она должна остаться как единственный честный человек в этом гадюшнике!

Отец расхохотался:

— Леди Рочестер — честная? А ты видела ее сына? Этого огненно-рыжего сорванца? Я бы поставил тысячу фунтов на то, что он не потомок Рочестеров!

— А как насчет тебя, Уиклифф? Сколько твоих отпрысков бегают по округе?

— Опять... Нельзя так падать, женщина.

Повисла пауза — тяжелая, как свинцовое одеяло.

Сердце Люси колотилось в груди гулко и болезненно; наверное, родители слышат его удары.

Тишина взорвалась рыданием. Люси словно ударили под дых. Мама плакала.

— Умоляю тебя, Томас! Что я сделала не так, если ты даже отказываешься считать меня здравомыслящей?

— Здравомыслящей? Да твой визг за несколько миль слышен!

— Я подарила тебе Томми, — заскулила мама сквозь рыдания. — Едва не умерла, производя его на свет, а ты выставяешь напоказ эту... эту особу...

— Боже праведный, дай мне терпение! За что ты наказал меня, послав в жены сварливую бабу?

— Я очень люблю тебя, Томас. Почему, ну почему ты не можешь любить меня?

Стон, полный раздражения.

— Я люблю тебя в достаточной мере, жена. Хотя, учитывая твои истерики, это настоящий подвиг.

— Почему? — причитала мама. — Почему я тебя не устраиваю?

— Потому что, дорогая, я мужчина. И пожалуйста, дай мне возможность спокойно отдохнуть у себя в библиотеке.

Молчание. Затем судорожный вздох, засвидетельствовавший капитуляцию.

Снова с шумом хлопнула тяжелая дверь. Грохот ударил Люси по ушам. Леденцы застряли в горле; придется дышать через рот. Однако тогда ее услышит отец.

Нужно задержать дыхание. Вообще не дышать.

Чиркнула спичка: Уиклифф зажег сигарету. Скрип половиц, затем хруст кожаной обивки — отец опустился в кресло.

Легкие Люси горели. Пальцы побелели и на фоне ковра с причудливым орнаментом походили на когти; они будто уже ей не принадлежали.

Однако она не издала ни звука. Король и королева померкли перед глазами.

Люси выдержала.

По краям поля зрения возникла черная рамка. А вдруг Люси больше никогда не сможет дышать?

Зашелестела газета. Граф читал утренние новости.

В миле от библиотеки, под сенью зеленых ветвей второй сын графа Рочестера Тристан Баллентайн только что решил, что отныне он будет проводить в Уиклифф-холле каждое лето. Конечно, чтобы воплотить этот план в действие, придется подружиться с Томми, самым большим зазнайкой Итона, однако утренние прогулки в одиночку того стоили. В отличие от семейного владения Рочестеров, где каждый куст подстрижен и поставлен на учет, парк Уиклифф-холла не старался вмешиваться в замысел природы. Деревья ветвились, кустарники выбрасывали побеги, в воздухе стоял сладковатый аромат лесных цветов. Тристан нашел место, идеальное для чтения Ворд-

сворта: округлую лужайку в самом конце тропы. В центре лужайки торчком стоял большой валун.

Тристан обошел вокруг монолита. Обветренный конусообразный валун подозрительно смахивал на магический камень, воздвигнутый в незапамятные времена. Вообще-то двенадцатилетнему молодому человеку не подобает верить в фей и других сказочных героев — отец ясно дал ему это понять. Стихи в Эшдаунском замке также были под запретом; романтические бредни противоречили девизу рода Баллентайнов — «Сила и доблесть». Однако здесь Тристана никто не отыщет. Никто не увидит в его руках томик поэзии: Вордсворт и Кольридж, «Лирические баллады».

Тристан сбросил плащ, расстелил на траве и лег на живот. На ягодицах, где кожа была содрана, тонкая ткань брюк натянулась, подобно кольчуге, и Тристан охнул от боли. Отец вбивал в сына знания при помощи палки; вчера снова переусердствовал. Именно поэтому мама схватила Тристана — а он в свою очередь очередь книги — и сорвалась на лето в гости к подруге, леди Уиклифф.

Тристан поерзал на животе, пытаясь найти удобную позу, однако быстро сдался, отцепил подтяжки и начал расстегивать причиняющие неудобства брюки. А в следующую секунду земля задрожала.

Тристан замер на месте.

Затем схватил плащ и нырнул за валун — как раз в то мгновение, когда на тропе показался вороной конь. Великолепный жеребец блестел от пота, с морды стекала пена. Такие достойны носить в седле королей и героев. На лужайке всадник резко осадил жеребца; с копыт, размером с тарелку, полетели комья грязи.

Тристан ахнул от изумления.

Всадник не был ни королем, ни героем. Он вообще не был мужчиной.

В седле сидела девушка.

Несмотря на сапоги, бриджи и мужское седло. Грива блестящих светлых волос струилась по спине и развевалась на скаку, словно шелковая вуаль.

Тристан не смог бы пошевелиться, даже если бы попытался. Ошеломленный, он был не в силах оторвать взгляд от ее лица.

Неужели она реальна? Лицо девушки — само совершенство: изящное, в форме сердечка; тонкие брови вразлет, упрямый маленький подбородок. *Фея!*

Однако на ее щеках проступали красные пятна гнева, а губы были сжаты в струнку. Складывалось впечатление, что девушка готовилась вступить в схватку с огромным страшным зверем...

Она спешила, и Тристан вновь отскочил за камень. У него пересохло во рту. Нужно выйти. Нужно завести разговор. О чем беседуют с такими прекрасными и темпераментными созданиями?

Сапоги с легким стуком ударились о землю. Девушка ласково прошептала что-то жеребцу. Затем наступила тишина.

Тристан вытянул шею. Девушка исчезла. Он бесшумно прополз вперед и немного приподнялся. Вот она — лежит в траве, широко раскинув руки!

Надо подобраться чуть ближе... А, была не была! Он выпрямился и посмотрел на нее.

Глаза закрыты, темные ресницы отчетливо выделяются на фоне бледных щек. Яркие пряди волос разметались вокруг головы, подобно лучам холодного зимнего солнца.

Сердце Тристана бешено застучало. По телу волнами прокатилось невыносимое томление, сродни благоговейному ужасу, — ему выпал редкий, драгоценный шанс, а он, как ни прискорбно сознавать, понятия не имел, что делать.

Тишину нарушило раздраженное фырканье. Жеребец подошел ближе, прижав к голове уши и выставив зубы.

— Черт! — охнул Тристан.

Девушка резко открыла глаза. Они уставились друг на друга: она — лежа на спине, он — стоя над ней.

Она вскочила как ужаленная:

— Ты! Ты на меня покушаешься!

Теперь, когда они стояли лицом к лицу, девушка выглядела миниатюрной.

Тристан ощутил, как его губы расплываются в глупой ухмылке.

— Нет, я...

Прищуренные глаза не сулили ничего хорошего.

— Я знаю, кто ты. Сын леди Рочестер.

Тристан сообразил, что нужно поклониться. И поклон вышел почти безупречным.

— Тристан Баллентайн. К вашим услугам.

— Ты за мной шпионишь!

— Нет. То есть да. Совсем немного, — вынужденно сознался он.

И в этот момент — самый неподходящий! — вспомнил, что ширинка его брюк наполовину расстегнута. Инстинктивно Тристан схватился за пуговицы, и от взгляда девушки это не ускользнуло.

Она задохнулась от возмущения.

Следующее, что запомнил Тристан, — как девушка взмахнула рукой, и его левую щеку обожгла невыносимая боль. Он отшатнулся, ничего не видя и схватившись за лицо. После такого удара ее ладонь должна быть в крови.

Он посмотрел на нее сквозь растопыренные пальцы:

— Я этого ничем не заслужил.

Проблеск сомнения — а возможно, и раскаяния — ненадолго остудил огонь в глазах девушки. Но затем она вновь решительно вскинула руку и огрызнулась:

— Ты еще мало получил! Оставь меня одну, маленький рыжий негодник!

Его щеки запылали, и не только от пощечины. Тристан знал, что с последнего дня рождения не вырос ни на дюйм, и да, его заботило, что знаменитая фамильная черта Баллентайнов — высокий рост — на нем отдохнула. Маркус называл его коротышкой. Рука Тристана сжалась в кулак. Будь на месте девушки парень, он бы свалил его с ног одним ударом. Однако джентльмен никогда не поднимет руку на девушку, даже если она едва не довела его до слез. Маркус! Маркус наверняка знает, как обращаться с такой норовистой феей. А Тристану оставалось лишь поспешно ретироваться. «Лирические баллады» так и лежали позабытые в сырой траве.

Глава 2

Лондон, 1880 год

Родись она мужчиной, ничего подобного не случилось бы. Ей не пришлось бы ждать в старомодно обставленной приемной, слушая натужное тиканье маятниковых часов. Секретарь за аккуратным столиком не бросал бы на нее подозрительные взгляды. Ей вообще ни к чему было бы приходить сюда сегодня — мистер Барнс, редактор и на данный момент владелец издательства «Лондонский печатный двор», подписал бы контракт на прошлой неделе. Однако, как он выразился, «обнаружились некоторые проблемы», не позволяющие завершить сделку.

Следовало ожидать. Есть вещи, которые женщине свойственно делать лишь потому, что она женщина: например, падать в обморок по любому ничтожному поводу; и есть вещи, которые делать женщине несвойственно лишь потому, что она женщина. Вероятно, женщина *не может* просто так взять и купить пятьдесят процентов акций издательского дома.

Люси прислонилась к обшитой темными панелями стене, запоздало вспомнив, что надела шляпку, когда та протестующе хрустнула.

А успех был так близок! Они ударили по рукам; Барнсу не терпелось поскорее продать свою долю и уехать в Индию. Как обычно при ее роде занятий, Люси оставалось подождать. К несчастью, терпение не входило в список ее добродетелей.

Она опустила веки, в то время как мысли продолжали вращаться вокруг «Лондонского печатного двора». Если посмотреть со стороны, головной офис издательского дома выглядел привлекательно и современно; к тому же четырехэтажное

здание с полированным гранитным фасадом располагалось в одном из тех районов Лондона, где недвижимость неуклонно дорожала. Вполне соответствует издательству, выпускавшему два популярных ежемесячных журнала, которые регулярно читали более восьмидесяти тысяч представительниц среднего и высшего классов. Вот только помещения были так же унылы, как и издательские устремления: маленькие столы, темные комнаты, а обязательным боковым входом для единственной работающей здесь женщины — машинистки, дочери мистера Барнса, — служила затянута паутиной лестница для прислуги. Если намерения Люси в отношении здания увенчаются успехом, она в первую очередь откажется от бокового входа.

Резкий металлический звонок заставил ее открыть глаза.

Секретарь привстал с места и объявил:

— Леди Люсинда, прошу вас.

Мистер Барнс приступил к переговорам в своей обычной торопливой манере. Он повесил шляпку и твидовый жакет Люси на перегруженную вешалку и предложил посетительнице чай, от которого та отказалась, потому что спешила поехать на поезд до Оксфорда.

А вот мисс Барнс то и дело украдкой поглядывала на нее от столика машинистки в левом углу кабинета, причем без всякой необходимости, с учетом того, что они уже виделись воочию. Люси кивнула ей, и мисс Барнс тут же опустила глаза и снова уткнулась в работу. Черт возьми, Люси — одна из лидеров суфражистского движения, а не какая-нибудь выпущенная на свободу уголовница! Хотя, надо признать, для большинства людей это практически одно и то же.

Мистер Барнс тоже смотрел на нее с опаской.

— Это все правление. В настоящее время члены правления пытаются понять, почему вы заинтересованы стать собственником таких журналов, как еженедельники «Новости ближних графств» и «Взыскательные дамы».

— Не собственником, а совладельцем, — поправила его Люси, — и мои соображения остаются все теми же: у периодики впечатляюще широкий круг читателей, и очевидно, журналы имеют растущий потенциал. Далее, ваше приобретение прав на серию книг «Поэтические россыпи» показало, что

«Лондонский печатный двор» способен успешно завоевывать книжный рынок.

Не менее, а то и более важно, что двое других держателей акций, имеющие по двадцать пять процентов, являются пассивными партнерами, причем один из них постоянно проживает за границей. Люси будет принимать решения фактически единолично.

— Все это совершенно верно, — произнес мистер Барнс, — однако до нашей последней встречи правление не было осведомлено, что за Инвестиционным консорциумом стоите вы.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к нашей сделке.

Мистер Барнс вцепился в узел галстука. Его лысина покрылась испариной, что выдавало нервное напряжение. Как всегда! Люси обычно производила на людей один и тот же эффект, а именно заставляла их нервничать. «Дело в твоей прямолинейности, — объясняла Хэтти. — Может, тебе стоит улыбаться почаще, чтобы меньше их пугать?»

Ладно, проведем на мистере Барнсе эксперимент. Люси улыбнулась, обнажив зубы.

Он, кажется, забеспокоился еще больше, ибо сосредоточенно снял очки, положил их в футляр и лишь затем наконец взглянул ей в глаза.

— Леди, позвольте мне быть с вами откровенным.

— Пожалуйста, — с облегчением ответила она.

— Вы проявляете политическую активность, — осмелился высказаться мистер Барнс.

— Я одна из лидеров суфражистского движения Британии.

— Именно. Потому вам, несомненно, известно, что вы... э-э... являетесь несколько сомнительной фигурой. Насколько я помню, недавняя статья в «Таймс» дала вам именно такое определение.

— Насколько помню я, в статье использовались выражения «мерзкая кляча» и «назойливая мегера».

— Пожалуй, — потупился мистер Барнс. — Естественно, правление задумалось: почему персона, задавшаяся целью низвергнуть существующий общественный порядок, заинтересовалась приобретением журналов столь высоконравственного содержания, не говоря уж о серии романтической поэзии?